

4-Ноя. 400

Труд побеждает!

Меня как-то спросили: что такое счастье?

Я на это ответил: по-моему, счастье — это делать свое любимое дело.

Таково мое глубочайшее убеждение, выстраданное и подтвержденное всем моим опытом.

Мне давно говорил лечивший меня профессор С. Я. Майков: «Неужели ты не наигрался? Брось! Было уже один раз, что тебя привезли со спектакля без сознания! Отдыхай, гуляй, сиди на бульваре».

Без работы я жить не могу. Если б мне доказали, что, сидя на бульваре, я проживу 200 лет, я бы спросил: «А кому и зачем это было бы пужно?». Любимый труд дороже всего, дороже жизни.

Чего не может сделать труд, когда отдаешься ему беззаветно и вносишь в него дисциплину и настойчивое постоянство! В моей жизни труд победил такое несчастье, такую катастрофу, которая должна была закончить со мною, как с актером.

В 1908 году я заболел. Это была болезнь ушного лабиринта, которая обычно приводит к катастрофам. И вот я потерял слух окончательно. Это означало, что я стал, как актер, полным инвалидом. Выхожу на сцену — и не слышу суфлера; не слышу ни одного звука, ни шелеста; ничего не слышу, точно я нахожусь в беззвучной пустыне... Как же выйти на сцену, когда знаешь, что ты беспомощен? Ужас охватывает при мысли о том, что вдруг забудешь какое-нибудь слово, — забудешь, и никто, ничто не сумеет тебе там, на сцене, помочь...

Передо мной стоял выбор: уйти из театра, оставить навсегда сцену или победить свое несчастье. Но если победить, то как? Разумеется, трудом, только упорным трудом. Я составил специальный трудовой режим и стал следовать ему со всей доступной точностью. Понадобился огромный труд. А этот труд потребовал почти аскетической жизни. Я строго слежу за всем своим повседневным обиходом. Так или иначе, я нашел способы, как мне работать на сцене. Потери слуха оказались лишь потерей количественного порядка.

Я выработал свою собственную систему труда. Говорить о ней детально едва ли возможно. Тем более, что применительно к каждой новой роли требуется какое-то приспособление: система, оставаясь сама по себе одной и той же, видоизменяется.

По сравнению с моими товарищами по работе мне приходится затрачивать гораздо больше труда и усилий. Ведь мне нужно выучить текстуально не только свою роль, но и роли всех моих партнеров. Все, что говорит мой партнер, я должен знать на память. Это отнимает много сил. А главное, это требует большой работы сердца и нервов. Надо сохранять хладнокровие, чтобы не растеряться от одного ужасного опасения забыть слово, когда ничто не может донести это слово до меня.

Всякая победа в труде возможна, если труд одухотворен большой целью. Горячее желание послужить своими скромными силами великой социалистической родине, любимому отечеству — вот что окрыляет всех нас. В моей последней работе над ролью Уриеля в трагедии «Уриель Акоста» меня вдохновляла мысль, что мы несем со сцены зрителю веяния благородных освободительных стремлений, родственных тому созидательному пафосу, который наполняет героизм наших дней. Увлечение, порыв, страсть, которые мне удавалось вложить в исполнение роли борца против обветшалых догм, находили свой источник в сознании, что наша родина в прах разметала все виды угнетения человека человеком.

И еще один источник радости и силы для напряженного труда находим мы в наших социалистических условиях: это — ощущение коллектива и связь с нашими зрителями.

Артист А. ОСТУЖЕВ.